

*Огромное спасибо моей жене Юле
за неоценимую помощь
в продумывании мира Нечисти
и поддержку,
а также сыну Артему
за вдохновение*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Зачин	7
Босорка	11
Брка	27
Мертвячка	40
Русалка	56
Кладовик	70
Болотник	83
Крикса	111
Маупун	142
Баламутень	156
Лихо	181
Псоглавцы	205
Чернокнижник	227
Волкодлак	248
Домовой	266
Вежом	279
Водяной	307
Хлевник	321
Яга	341
Предел	366

*И перо возьмут чужие руки,
Записать себе присвоив право
Хронику чужой тоски и муки,
Всыпать правды горькую отраву.*

«Страшная сказка»,
Канцлер Ги

ЗАЧИН

Земля наша есть гармония. Не ищите доброго и худого — всякое случается под светлым небом, — но ищите мира. Давным-давно предки наши пришли в земли эти. В чужие земли. Много кто тут обитал, в своем мире, в своей правде. Поделили мы этот мир, порушили единство. Мечом и огнем стали брать чужое, называя своим. И по праву сильного назначили себя хозяевами. Так стали мы Былью. Все, что человеку понятное и родное, все сюда относится. То же, что было нашими пращурами подвинуто да развеяно, стало Небылью. Старались отгородиться наши воинственные предки от сего, будто дети малые, силясь убедить себя: во что не верю, того и нет. Немало лет кануло, постепенно сплетаться стали два разных мира, учась ладить друг с другом. Да все одно как вода с маслом: сколько ни мешай — единым не станут. Разные мы. Вот для того и нужны мы, Ведающие, чтобы помогать люду простому да нечисти сказочной уживаться друг с другом. Быль есть, есть Небыль — а между ними мы мостиком. Шаток тот мостик... не оступить бы.

Баян Вещун. Ведающий

Начинаю я свои записи по доброй воле, а не по принуждению. Не от баловства праздного, а по потребности. Надеюсь я, что в час трудный пригодятся мои заметки, уберегут кого от беды.

Минуло немало лет, пройдено немало верст, а все каждый раз, как достаю я свои заметки, встает все ясно перед очами, будто вчера было.

Молод я был тогда, полон сил и веры в правое свое дело. Силы теперь, конечно, поубавилось, да и годы давят валуном неподъемным. Только веры, как и прежде, во мне вдосталь.

Сии заметки составлены были мной, юным ведуном Нежданом, в годы странствий моих по землям Руси Сказочной. По поручению старших из Ведающих должен был отправиться я в дорогу, дабы нести людям и нелюдям добро и правду. Много лет я, как и прочие мои друзья, постигал таинства знаний по старым, помнящим еще руки древних, манускриптам. До последней лучины вглядывался я в мудрость веков с тусклых страниц, дабы после идти в мир, нести знания о том, как жить в согласии Были и Небыли. Где оберег подсказать, совет аль борение.

Каждый ведун, что достиг предела знаний, заложенных в письменах, уходил из капища Ведающих. Многие отправлялись в Путь, мало кто возвращался. Кого настигала беда, а кого и люди забирали: оседали ведуны, детьми обзаводились, хозяйством. Все лучше, чем сгнуться в болотах тайных или в степях от зазубренной стрелы псоглавца-кочевника. Те же немногие, кто возвращался в капище спустя годы, становились старцами, Ведающими. Учили следующие поколения ладить с нечистью да с людьми. А заодно и новый опыт приносили, где какая диковинная жуть появилась, где нужное борение удалось выведать.

Вот и я, подпоясанный знанием, должен был пойти по миру, глазами своими те чудеса увидеть. А посему с полным коробом старых манускриптов, нехитрым припасом снеди, посохом да очельем ведунским отправился я от капища, что служило мне домом несколько лет, в путь-дорогу...

Сейчас я, шурша и перебирая разномастные свои заметки, вчитываясь в полустертые записи и силясь разглядеть зарисовки, понимаю, какой сложный путь ждал меня впереди. Огромный мир, одновременно чуждый и родной. Где испокон веков соседствовали люди и нечисть.

Помню, в ночь перед дорогой грезил я, как и все юнцы, борением со змеями нечистыми, хитрыми босорками, беспощадными ератниками... Как буду помогать людям жить в ладу с нечистью или же оберегать духов от лихих людей. Жар молодости горел во мне.

НЕЧИСТЬ ВЕДУН

Оно и понятно. Это сейчас я, уже почти поравнявшись годами с мудрым моим наставником Баяном, повидав немало из того, о чем не писано да не сказано, понимаю, о чем иногда баял старик. И зрю, что тот молодой я ничего бы из завещанного не осознал. Пора не пришла.

И подумал я, что коли был бы еще жив старый Баян да подслушал бы мои размышления, то одобрительно хмыкнул бы мудрый ведун.

Всею своя пора.

А тогда, в то туманное весеннее утро, я, молодой да пылкий, покидал капище, бывшее мне с младых ногтей домом.

Меня никто не провожал. Не принято, да и чай не событие праздничное.

Ложится передо мной первый лист моих заметок, раздвигая череду прошлых лет.

ВОБОРКА

*Там, где ведьма, там жито не свячено,
кони не подкованы.
Прахом пусть улетает, бродячая,
во четыре, ой, стороны.
Как завертит суховеет танец смерти,
что иных древней,
Ведьма спляшет, а с верою нашей
не справиться да не сладить ей.
«Ведьма», Мельница*

Я медленно шел между домов, ступая аккуратно, на ощупь.

Дело было даже не в том, что не очень сподручно бродить темной ночью по деревне, норовя то и дело либо врезаться в плетень, либо налететь на оставленную кем-то колоду. А в том, что я смотрел на мир сквозь узкую, кривую щель, наспех прорубленную в полусгнившем полене. Приставив почти к лицу пахнущую сыростью и тленом деревяшку, я внимательно вглядывался в темноту.

Со стороны я вполне мог бы сойти за блаженного дурачка, у которого на уме невесть что. Если бы кому-то взбрело в голову набраться смелости выйти

НЕЧИСТОЕ ◆ ВЕДУН

в ночь, дабы поглядеть на такое диво. А как заприметил бы случайный заброда на мне ведунское очелье, так мигом бы поменялся в лице да поспешил в дом, тщательно заперев засовы. Уразумел бы, что коли ведун так делает — значит, надо.

А оно было действительно надо.

Только так, сквозь прореху, вырубленную в куске погребальной домовины, мог увидеть я незримое, то, что даже ведуну не почуять, не призвать. Заглянуть в мир мертвого.

В этой безмолвной ночи на пустынных деревенских улочках я искал нечистого духа, который вышел на свой пагубный промысел. Знал я, что бродит он где-то здесь, направляемый злой волей хозяйки-подельницы. Знал я и то, что в какой-то потаенной избе лежит сейчас без памяти старуха Босорка, отправившая свою вторую нечистую душу губить людей.

И пока я продолжал идти от хаты к хате, внимательно заглядывая в самые темные уголки меж амбаров и овинов, дабы успокоить себя, перебирал в памяти события последних дней.

* * *

Мимо этой деревеньки я шел проходом, вовсе не собираясь задерживаться в такой глуши. Селение притулилось на далеком отшибе даже от полузаброшенных старых дорог, и, честно сказать, если бы не разгул разбойничков в лесах южнее, то я бы не делал такой крюк и не оказался бы в этих краях. Но связываться с лихими людьми лишний раз было в тягость,

а потому в одно прекрасное утро я с первыми лучами солнца уже входил за околицу селения.

Впрочем, одного взгляда хватило, дабы понять, что здесь утро далеко не доброе. Да и когда в последний раз оно было таким — одним прашурам известно. Идя по головному пролету, я оглядывал людей, выбиравшихся из домов. Хмурые серые лица. Не сонные, когда стоит лишь окатить себя свежей водой из колодца — и разом сбивается дрема, а именно серые. Безучастные, обреченные. Приметил я, что нет привычного гомона детворы, шумных перебранок да сплетен баб у колодцев, окриков мужиков, выгоняющих скот, иль лая собак.

Лишь хмурые лица.

Перебросятся по-соседски еле слышно короткой фразой — и вновь глаза в землю.

На меня даже не смотрели, что было особо странно. Новый человек в селе всегда событие, а уж ведун и подавно. Частенько случалось, что стоит нашему брату забрести в какое село, так и ребятня сбегается посмотреть на диковинного человека, который с Небылью слад находит, и бабье да мужички торопят: кто на кикимору грешит за кислое молоко, кому овинника угомонить надо, чтоб девок за зады не щупал. Как-никак и подмога с нечистью всегда, да и событие, дабы рассеять череду однообразных трудовых дней, полных забот.

Оттого я встревожился сразу. Неладно тут было, ох неладно.

Моим странствиям только пошел второй год, а потому пылал я искренним задором молодости

НЕЧИСТОСТЬ ◆ ВЕДУН

и отчаянного желания помочь всему миру. Разом отказавшись от планов по возможности живо пройти через деревню и продолжить свой путь к Ишем-граду, я быстрой походкой направился к дому местного головы.

Немного рассказал мне неприветливый староста — седой дядька с почти черным от солнца лицом, изрезанным частыми морщинами. Лишь то, что в деревне уж полгода как все наперекосяк идет. И вроде винить некого, да только беда одна к другой лепится. Началось то с малого вроде как, да дальше — больше. То на посе-ве кому обмолотом ногу раздробит, то лошади какую дрянь подхватят и в хворую, то коровы да козы удои кислый дают.

Местные, знамо, быстро смекнули, что дело нечисто: таким промышлять горазды колдуны да ведьмы. В деревне все свои, друг дружку давно знают, а заброд сызвеку не было. Да и леса в этих краях дикие, не каждому ворожею схорониться там возможность будет. Но всё ж пошли к местной знахарке Испешке. Покивала она, говорит, сама чую силу дурную, да только не горазда я супротив такого. Но уболтали ее селяне хотя бы выпытать, где окаянное зло обитается, а дальше они уж сами топорами да кольями дело сладят. Найдут укорот на лиходея.

Согласилась знахарка. Долго бродила, шептала, след высматривала. Увел ее след в лесок ближайший. Да и сгнула. Кинулись искать ее на следующий день... Нашли в овраге. Палой гнилой березой прибило несчастную.

Думали, как весточку дать в ближайший острог, чтобы местный князь ведуна какого прислал или какой еще укорот. Да только очень далече от жизни шумной деревня. Мальчонку-гонца конного не послать: лютые волки в лесах, а ходу до проезда не меньше трех дней пути. Сгрызут. Прикинули, что на торжище можно съездить, пообменять шкуры с охотничьих промыслов, а заодно и поискать подмогу. Стали обоз собирать, а тут, как назло, гроза. Да буйная. Молнией аккурат в телегу... В общем, погорел обоз.

Вот теперь и живут люди, да всё больше доживают. Ни надежды, ни радости не осталось. Каждый новый день беду сулит.

Смекнул я сразу, что прав староста: тут явно дело черное. Не сильный злодей, конечно, потому как не с руки еретнику какому или умруну такими мелочами озоровать — те бы сразу всю деревню повыемили-сгубили. Но очень похоже на начинающего чернокнижника или босорку. Эти как раз пакость любят.

А еще, сидя у головы в доме да слушая грустный тот рассказ, заметил я за печкой кикимору. Староста, понятно, на еле слышное шебуршание внимания не обратил, а я, учуяв нечисть, стал «смотреть». Миг-другой — и проявилась супружница домового. Выглядела она жалко. Будто тоже хворала. Обычно яркие юбки, которыми любят щеголять домашние кикиморы, висели блеклым неухоженным тряпьем. Вся она еще больше скукожилась, ссутулилась сильнее обычного, стала совсем махонькой. На востроносом старушечьем личике мне почудилась даже какая-то растерянность, испуг. Зыркнув на меня,

НЕЧИСТЬ ВЕДУН

поняв, что ведун ее обнаружил, кикимора пискнула и скрылась за печкой. Даже не обругала, как обычно, что было уж совсем странно. Зная скверный характер кикимор...

Да! Видать, злая волшба даже нечисть допекла.

Распознавшись со стариком да пообещав подсобить по возможности (кажется, тот вовсе не воспринял мои слова всерьез, лишь пробормотал что-то невнятное), я уже вышел на крыльцо дома головы, как заметил неподалеку, прямо на ближайшем перекрестке, старуху.

Стояла она, плотно закутавшись в целый ворох платков, несмотря на жаркую уже погоду. Широкий конус юбок тяжело падал прямо в дорожную пыль, казался неподъемным. Что было особенно странно — голову старухи поверх всего тряпья украшали височные кольца, высокий изукрашенный чепец и множество бус. Будто не в простой день вышла она, а разрядилась на праздник. Вся в цацках да в убранстве.

Но все это мигом забылось, когда увидел я узкое потемневшее лицо старухи. Она вертела головой, разглядывая бредущих мимо понурых людей, и под клювастым хищным носом ее блуждала такая довольная ухмылка, будто сосватала она удачно всех детей, да еще и клад сыскала. И мог бы я сослаться на действительно радостное событие в ее жизни (мало ли, может, и правда какое счастье приключилось), если бы по мне не резанули два ледяных осколка ее глаз. Махнули наискосок по мне, будто нож кривой, лязгнули по лицу... по ведунскому очелью...

И в двух льдистых омутах полыхнул страх.

Я быстро развернулся, отворив дверь в дом, и крикнул старосте:

— А не знаешь ли ты, мил человек, вон ту старушку?

Но когда я повернулся назад, чтобы указать вышедшему голове на нарядную бабку, перекресток был пуст.

Староста чесал нос и недоуменно глядел на меня...

* * *

Вынырнув из воспоминаний, я приоткрыл еле скрипнувшую калитку одного из подворий и, стараясь не угодить ногой в корыто, двинулся по двору. Мир, видимый сквозь щель доски, ничем не отличался от обычного. Та же ночь, та же игристая луна, порой выскакивающая из вяло плывущих облаков, те же черные силуэты домов, пристроек, скотников.

Даже как-то спокойнее стало, обыденнее, что ли. Сердце, конечно, продолжало колотиться от возбуждения, но умом я успокоился и был хладен. Пусть это и была моя первая встреча с босоркой, я помнил наставления Баяна. Память цепко хранила заветы Ведающих, а перевязь оберегов, надежно припрятанная на груди, вселяла уверенность. Такую защиту никакая волшба не одолеет.

Шаг. Еще шаг. Из-за угла избы виднеется силуэт колодезного «журавля».

Качается едва-едва.

Я готовился к этой ночи тщательно.

НЕЧИСТЬ ♦ ВЕДУН

* * *

То, что в деревне орудовала босорка, я понял почти сразу. Хотя я еще был зелен в практическом борении, чутье ведуна меня не подводило. Побродив по подворьям, я почти сразу стал ощущать то там, то здесь легкие следы нечистой волшбы. И не той волшбы, которой могли промышлять домовые небыльники или же дикая лесная нечисть, а гиблой.

Колдуны же другими методами орудуют, у них все больше на волшбу Пагубы завязано, да к тому же предпочитают они творить наговоры. А значит, по всему, видать, все невзгоды в деревне — дело рук босорки-двоедушницы.

Ведьмы, которая добровольно впустила в себя вторую душу. Да не просто душу человека умершего... Нет, впустила-приманила она намеренно дух нечисти.

Всякое случается в мире нашем. Порой, бывает, и нечисть гибнет. Да только нет у нее смерти, как у людей. Не приходит за ними Яга, не провожает в Лес.

По-разному бывает. Например, жил леший в своей чаще, да повыгорела та; стал он приبلудой, силу черпать неоткуда, а в другой лес не податься. Там свой леший сидит, не пускает. Вот и мается он, пока не теряет себя, не становится неразумным духом, утратившим саму свою суть. И мечется он, стараясь найти себе хоть какое пристанище. И кидается, будто в омут, в первое, что попадется. Кто в камень кинется и веками в нем сидит, кто в корягу.

А порой и в человека... Коль подвернется несчастный на пути.

